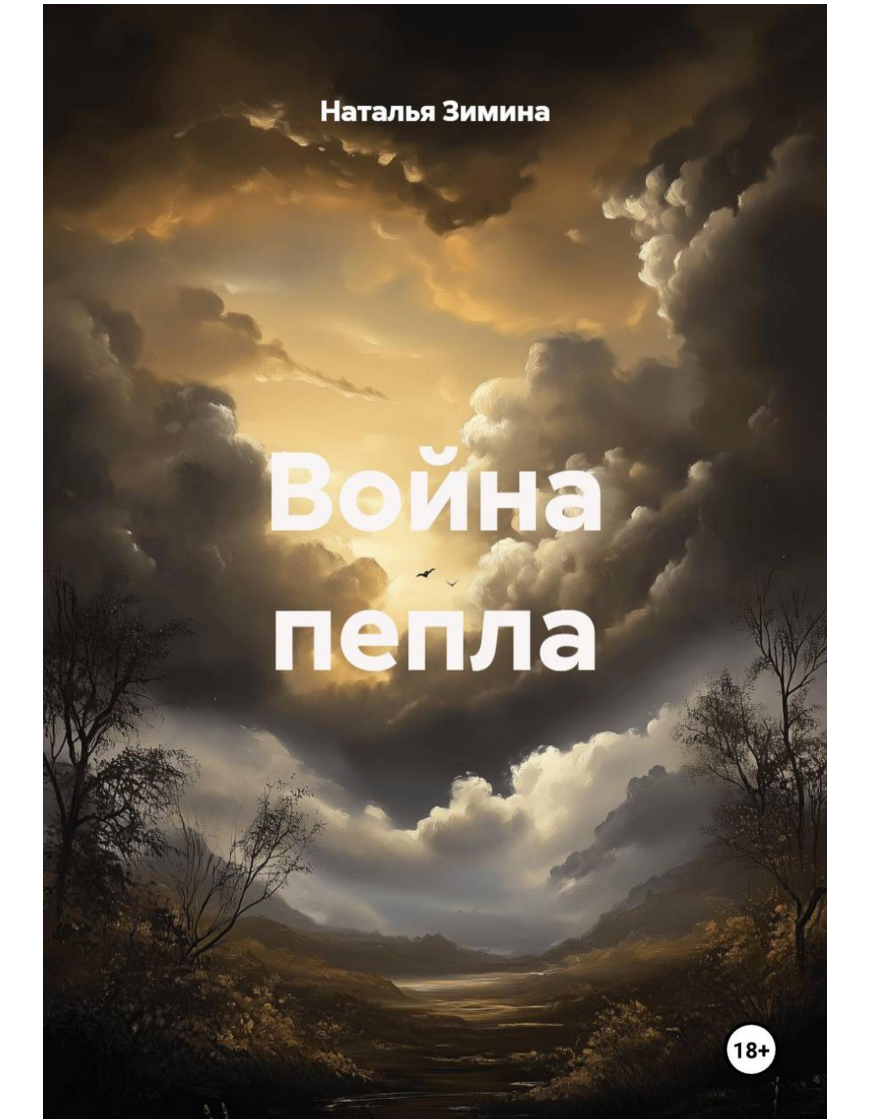

Наталья Зими́на

Война пепла

18+

Наталья Зими́на

Война пепла

<https://litres.ru/74646754>

SelfPub; 2026

Аннотация

Война с орденом начинается не с мечей, а со счёта. Аудитор веры Капистран Дальний не считает солдат — он считает души, и в его смете у каждого жителя Велиграда есть цена. Мирра Вельская — королева поневоле: Двор коронует её контрактом, город платит налог на коленях, а печать внутри требует есть. С каждым съеденным проклятием на ладони королевы появляется новый шов — стежок чужого имени.

Когда Кассиан падает, голод подсказывает единственный выход: съесть клятву его жизни. Но у клятвоведки есть правило, которое она нарушила лишь однажды: такие вещи расторгают только собой. Вторая книга серии «Пепельный двор».

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Наталья Зими́на

Война пепла

Глава

ГЛАВА 1. СМЕТА

Война началась со счёта.

Утром первого дня осады, когда город ещё не знал, что он осаждён, на створку Пепельных ворот лёг конверт — не принесённый, а лёгший: орден научился у Двора подавать бумаги без ног. Мирра сняла его с чугуна сама, сломала печать солнца в лучах и прочла стоя, на морозе, при серых, которые встали за спиной без вопросов, но по затылкам.

«Мы, капитул ордена Зари, сим предъявляем счёт жителям Велиграда за содержание осадного стана, отдых коней, освящение полей и восстановление воинского духа. Итого к уплате: по две марки с очага, льготным категориям — по одной, должникам — натурой. Оплата принимается до Успения». Марка — это дневной хлеб семьи из четырёх ртов.

Ниже, мелко, как пишут самое важное, шёл ещё один пункт. Мирра прочла его дважды.

«Отдельно: доставка к огню, 1 единица перевозки. Исполнитель: инквизитор Света Северин Ветлицкий, Молот Зари. Срок — по готовности станции».

Мирра сложила счёт вчетверо и убрала за ленту — туда, где уже лежала грамота с «милосердием безгранично». Чужие приговоры полезно носить у сердца: мёрзнут меньше, чем свои.

— Город платит за собственную осаду, — сказала она Саже. — Такого ещё не было ни в одной войне.

— А что было? — спросила Сажа шёпотом.

— Грабёж. Грабёж честнее.

Осада, которой боялись — мечей, лестниц, таранов, — не пришла. Пришло то, чего бояться не умели: смета. Орден встал станом за рекой и не делал ничего. Не стрелял, не жёг мосты, не звал на бой. Он считал.

К исходу первой недели очередь к орденской кассе стояла от Ратуши до колокольни.

Мирра Вельская сидела в это утро на стене. Стена была городская — её построили за два дня, в страхе, из чего попало: брёвна, лавки, заборы, надгробия. Город стыдился своей стены, но город на ней стоял.

Двор прижился в городе. Башни из спечённого пепла стояли на площади, где был сквер. Сад частоколом занял Соборный двор. Серые — должники, платившие Двору службу. За службу Двор дал им шестой палец — мету контракта. Серые ходили по улицам вплоть до второй торговой и торговали — чем, не знал никто, но покупали всё.

За спиной, в саду, пел утренний колокол. Один. Маленький, с именем. Он звонил теперь каждое утро, ровно в семь,

тонко и коротко, и серые на минуту останавливались.

— Оно ближе, — сказала Сажа про это однажды. И больше не говорила ничего.

— Ты опять не спала, — сказал Кассиан Пепла, поднимаясь на стену. — Третью ночь.

— Я королева. Королевы не спят. Это в смете.

— В чьей?

— В моей. Я её составила вчера. Четыре часа сна — статья расходная. Экономлю.

Он сел рядом — на положенных трёх шагах, которые никто из них не называл вслух. Он всё ещё был бледен. Печать, разделённая на двоих, вытягивала из него то, чего не могла вытянуть из неё.

Он взял её левую руку — молча, по-хозяйски — повернул ладонь вверх и посмотрел на шов.

Шов на ладони Мирры Вельской за две недели вырос на длину одного слова. Слова появлялись сами: она ела проклятия, и проклятия оставляли стежки. Слова она пока не понимала — они были на языке, которому её не успели научить.

— Читается? — спросила она.

— Читается. Это имя. Каждое проклятие имеет имя. Когда наберётся строка — узнаем чьё. — Он помолчал. — Я надеюсь, что не твоё.

— А если моё?

— Тогда мы это тоже учтём, — сказал Князь Пепла тоном сметы. — И запишем в расход.

Мирра засмеялась — коротко, зло, сквозь страх.

— Что в твоей смете на сегодня? — спросила она.

— Приём префекта, — сказал Кассиан. — Он будет в полдень. Один, без свиты, под белым зонтом. Просил пропустить его к тебе — к хозяйке, слово в слово. — Он встал, и тень его легла на город — длинная, тёмная, знакомая городу до дрожи. — Готовься, Вельская. Он не такой, как остальные.

— Что он такое?

— Бухгалтер, — сказал Князь Пепла. — А бухгалтер с обетом — страшнее палача. Палач убивает тело, а бухгалтер — оправдание. Готовься.

ГЛАВА 2. ПРЕФЕКТ

Префект ордена Зари, его высокопреосвященство Капи-стран Дальний, прибыл в полдень — пешком, один, под белым зонтом от солнца, которого не было.

Зонт был единственной его странностью. Остальное — серое лицо, серые глаза, серая зимняя сутана без единого украшения — было правильным до жути: так выглядят люди, которые всю жизнь стирали себя, чтобы стать графой в чужой ведомости. Он не был стар. Он не был молод. Он не был никак — и это «никак» было выверено, как гири у весовщика.

Серые пропустили его к воротам без обыска — он сам поднял обе руки, показал ладони, улыбнулся страже кротко и попросил проводить к хозяйке. Улыбка у него была профессиональная — как у гробовщика: спокойная, сочувственная, заранее извиняющаяся.

— Мирра Вельская, — сказал он, входя в залу для приёмов (ею стала бывшая касса Двора в первой башне; серые смахнули пепел, поставили стол, два стула и графин — человеческий, стеклянный, земной). — Старшая. Клятвоведка в отставке. Королева без короны. — Он сел без приглашения — или, точнее, по приглашению, которого никто не успел произнести. — Пишу к вам по делу. Два дела. Слушать вас не буду — это третье дело, его обсудим отдельно.

Мирра села напротив. Она велела себе: торг. Это торг. Торг — её ремесло, она дома.

— Слушаю ваши два дела.

— Дело первое. Осада. Она вам не нравится, мне — тем более: осада дороже штурма, а я не выхожу за смету. — Он произнёс это ровно, без нажима, и она поняла: он знает эту фразу. Он знает ВСЁ, что говорят в этом доме. — Предлагаю снять её к Успению. Цена — город платит по счёту полностью, вы лично в переговоры по городским долгам не вступаете. Это всё. По первому делу.

— По второму.

— По второму, — префект Капистран сложил руки на животе, как складывают платок, — я хотел бы, чтобы вы знали:

Я знаю, кто вы.

— Все знают, кто я. Об этом был список.

— Список знал ваше имя, — сказал префект. — Я знаю ваше родство. Настоящее. — Он наклонился вперёд на ладони — единственное движение за всю аудиенцию. — Аста. Скажите Асте, что море помнит её. Что гребень, который она оставила на восточном берегу, я закопал собственными руками — сорок лет назад, по её же просьбе. И что я — тот, кто написал капитулы письмо о том, что печать в Велиграде пора обновить. Я писал его вашей матери в ножны, Вельская. Она не ответила. Я жду ответа до сих пор.

Он встал — без прощания, как встают закончившие приём, а не начавшие, — и ушёл под своим белым зонтом, и серые за ним закрыли — молча, по уставу чужого дома, — и Мирра осталась сидеть над графином земной воды, слушая, как в саду, нарушая расписание, в полдень вместо семи утра звонит колокол.

Тонко. Коротко. Дважды.

Сажа, стоявшая у двери, побелела — не испуганно: узнавая, как белеют от чужой, но знакомой беды.

— Оно ближе, госпожа, — сказала она шёпотом. — Оно уже не оно. Оно — вы.

Префект ушёл под своим зонтом, и серые за ним закрыли — молча, по уставу чужого дома. Мирра осталась сидеть над графином земной воды. Сажа стояла у двери, белая, и

по тому, как она стояла — не дыша, — Мирра поняла: Сажа слышала имя. «Аста». И имя это было не чужим.

— Скажи, — велела Мирра.

— Госпожа, — сказала Сажа шёпотом. — Мать моей матери служила у Асты на восточном берегу. Говорили: она не человек, она — с той стороны. Говорили: она ушла в огонь, чтобы спасти дочь. Говорили: она вернётся, когда печать созреет. Госпожа... она ведь вернулась?

— Она никогда не уходила, — сказала Мирра Вельская. — Она стояла в шкафу двести пять лет и ждала. Вопрос в другом: кто ещё ждёт.

ГЛАВА 3. КОРОНА ПОНЕВОЛЕ

К вечеру того же дня Двор пришёл за короной.

Пришёл — весь: серые выстроились в зале приёмов от стены до стены, стража, вестники, кухарки с подносами, мальчик-водонос с волчком в кулаке, и сад — сад просунул между створками ворот два самых ближних кола, как просовывают голову, и колокола на них молчали, потому что молчание было их способом кричать.

Впереди стояла Ключница — старшая из серых, та, что была когда-то женщиной с восточных графств, по имени Гарь. Она держала подушку. На подушке лежало кольцо.

Тонкое. Девичье. С камнем чёрным, как запечатанный глаз.

Венец. Тот самый — восьмой, найденный в снегу, — и он был теперь оправлен в обруч: его не надевали — им опоясы-

вались, как опоясываются званием, долгом, ремеслом.

— Хозяйка, — сказала Гарь. — Двор просит.

— Двор получит отказ, — сказала Мирра. — Я говорила в прошлый четверг. Я повторяю: коронация — не моя статья расходов.

— Двор не просит церемонии, — сказала Гарь. — Двор просит регистрации. Печать без короны — сирота: её будет оспаривать всякий голодный обрывок от моря до степей. У печати должен быть держатель по форме. Держатель по форме — королева. Королева без венца — самозванка. Вы не самозванка, госпожа. Вы — вписанная. Впиши себя до конца.

— Иначе?

— Иначе, — сказала Гарь ровно, — к Успению орден предъявит городу право на «бесхозяйную печать». Аудит, госпожа. Бумагу против бумаги. Ваша вписка — одна строка в старом свитке. Их вписка — четыре тома. Я читала их томы. Они победят в суде, который сами напишут, и город им поможет — город хочет, чтобы всё было по форме, даже конца света.

Мирра молчала. Она смотрела на венец-кольцо, на чёрный камень, на серые лица — сотни глаз, голодных не до власти, до порядка, — и внутри неё, под рёбрами, там, где когда-то жил голод-заплата, а теперь жило её собственное, ровное, древнее «я и есть есть», что-то считало. Считалохладнокровно, клятвоведски, без страха: цена короны, цена отказа, цена отсрочки. Расчёт сходился на одном: корона была

не украшением. Корона была регистрацией себя самой — в реестре, где без записи не существует даже чудовища.

Но был и второй расчёт. Тот, который не сходился.

— Условия, — сказала Мирра Вельская, и зал выдохнул.
— Двор слушает условия?

— Двор слушает хозяйку.

— Первое: венец я приму не как дар Двора, а как контракт — двусторонний, писанный, с правом выхода. Второе: в контракте будет строка «королева не ест своих». Подпись — моя и... — она посмотрела в сад, на молчащие колокола, — ...его. Третье: коронация — не богослужение и не свадьба. Это запись в реестр. Писарь, чернила и два свидетеля. Больше — никого.

Гарь склонила голову:

— Двор принимает условия хозяйки.

Она поднесла подушку ближе, и Мирра взяла кольцо — оно было холодное, как первое утро зимы, — и надела на левую руку, на средний палец, поверх глухой перчатки, не снимая её. Камень на миг вспыхнул тьмой — видимой, как видна тьма в открытом окне ночью, — и погас, и в ту же секунду в саду, у самого частокола, тонко и коротко, в третий раз за день, звонко отозвался колокол.

Голос у Сажи был уже не шёпот — шёпот стал её нормальным голосом за эти недели, но теперь она сказала громко, во весь голос, и зал услышал:

— Оно здесь, госпожа. Оно — ваше. Оно всегда было ва-

шим именем — оно просто ждало, пока вы впишетесь.

Из сада, от частокола, где стояли два просунутых кола, серые вынесли на подушке колокол — маленький, с напёрсток, стёртый, старый, — и Гарь сказала:

— Двор дарит хозяйке её колокол. Имя на нём — новое прочтение старого: оно звонит не по мёртвым, госпожа. Оно звонит по вписанным.

Мирра сидела в мастерской после коронации — одна, при свече, с глухой перчаткой на столе. Она смотрела на венец-кольцо: тонкий, с камнем чёрным. Он сидел на её пальце как влитой — не как украшение, как сустав. Как часть руки, которой не было до сегодня.

Она открыла книжку «Расходы» и на чистой странице написала:

«Статья: корона. Цена: неизвестна. Способ оплаты: неизвестен. Срок: неизвестен. Примечание: печать внутри хочет есть город. Я — город. Это не смета. Это — приговор, который я сама себе подписала».

Она закрыла книжку, положила на неё перчатку — как закладку, как печать — и сказала вслух, темноте, свече, себе: — Спроси ещё раз через сто лет. Я подумаю.

ГЛАВА 4. ЯСНА

Ясна пришла к воротам на четвёртый день после коронации — не одна, с белым знаменем.

Знамя она сшила сама. Это было полотно от старого спис-

ка — того самого, чёрного, которое город снял с Ратуши и отдал булочной на обёртку, а булочная отдала Ясне, потому что у Ясны было лицо, от которого не отказываются. На полотне она написала краской для тканей — той же, которой красила всю жизнь, — три слова, крупно, во всю ширину:

«ЗДЕСЬ ЖИВУТ».

Она стояла с ним перед воротами Двора, не входя, и молчала, и город собирался за её спиной — не весь, но передние ряды, потом задние, потом крыши, и молчание её было громче площади.

Мирра смотрела с крыльца. Она не пошла вниз — королева не бежит к сестрам, королева ждёт, когда сестра придёт сама, — но руки её сжались на перилах так, что пепел на них лёг в борозды.

— Она не простила, — сказала Сажа за спиной.

— Она не прощает. Это у нас родовое.

Ясна вошла в ворота, когда солнце прошло полдень. Зная она поставила у самых створок — как веху, как межевой знак, как границу нового поля. И подошла к крыльцу, и остановилась на положенных трёх шагах — на тех самых, трёх, которые в этом доме знали все, — и сказала:

— Я не к тебе. Я к Двору. Двор кормит город — я хочу красить хлеб. Не пеплом — краской. Хлеб должен быть белым, а пепел — чёрным. Я умею разделять цвета лучше всех в Велиграде.

— Ты умеешь разделять, — сказала Мирра. — Ты всю

жизнь разделяла. Меня и мать. Себя и меня. Город и Двор. Хлеб и пепел.

— Да, — сказала Ясна, и глаза её были сухие и ясные, как у матери. — Это моё ремесло. Не рвать, не сшивать, не короновать. Разделять. У тебя своё, у меня своё. Пусти меня на кухню, королева.

Мирра молчала долго — на четыре вдоха, на четыре выдоха, их общая, вельская, семейная наука дышать там, где дышать не хочется. Потом сказала:

— У меня условие. Одно.

— Слушаю.

— Никогда не крась белое чёрным, чтобы мне угодить. Никогда.

Ясна кивнула:

— Это ты у нас — не красишь. А я крашу. Я — красильщица, сестра. Я крашу всё, что попадёт. Но знамя — — она посмотрела на своё полотно у ворот — — я буду красить правдой.

Она ушла на кухню Двора в тот же час, и к вечеру город ел пепельный хлеб с белой коркой — не белым хлебом с пеплом, а пепельным хлебом с белой коркой, разница была в цвете и в свободе, и город понимал разницу, и город ел.

Вечером того дня Мирра пришла на кухню — впервые с коронации. Она стояла в дверях и смотрела, как Ясна работает: как замешивает тесто на пепельной муке, как раскаты-

вает, как белит корку яичным глазурью — тонко, ровно, с тем терпением, которого у Мирры не было никогда. Ясна работала молча. Ясна всегда работала молча, когда была зла.

— Яса, — сказала Мирра.

— Не подходи. Горячо.

Это было правдой — духовка пылала. Это было и неправдой — духовка стояла в трёх шагах. Ясна говорила «не подходи» не про духовку. Про себя.

— Я не прощу, — сказала Ясна, не оборачиваясь. — Ты ушла за ворота и не сказала мне. Ты короновалась и не позвала меня. Ты королева — а я красильщица. Это ты разделила, Мир. Не я.

— Да, — сказала Мирра. — Это я. Я выбирала между тобой и городом. Я выбрала город.

— А теперь ты город. И я должна стоять перед тобой на коленях?

— Никогда, — сказала Мирра Вельская, и голос её дрогнул на «н-н-никогда» — единственное, что выдавало её все эти месяцы. — Ты — единственная, кто не будет. Ты — единственная, перед кем буду стоять я.

Ясна обернулась. Глаза у неё были сухие и ясные — в мать. И сказала она одну фразу, которая была сильнее прощения: — Хлеб будет готов к утру. Не забудь поесть, королева.

ГЛАВА 5. СЕВЕРИН

Северин пришёл на лёд в ночь после коронации — один, без патруля, без свидетелей, в белом плаще нового сана, с об-

нажённым мечом, который держал остриём вниз, перед собой, как держат не оружие — крест.

Мирра спустилась к нему сама. Она умела ходить по льду — она ходила по нему всю жизнь, и лёд под ней трещал всегда, лично, как трещат при встрече старые знакомые. Но сегодня лёд молчал. Сегодня лёд лежал под её сапогами тихий и ровный, и это было хуже треска: лёд слушался короны.

— Мирра Вельская, — сказал Северин формально, по уставу, как говорят с вражьей стороной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.